

ВЗЛЁТ РАЗРЕШЕН: ОКНО В ХАОСЕ

ДМИТРИЙ ФОК

Взлёт Разрешён

Дмитрий Фок

Взлёт Разрешён: Окно в Хаосе

«Автор»

2026

Фок Д.

Взлёт Разрешён: Окно в Хаосе / Д. Фок — «Автор»,
2026 — (Взлёт Разрешён)

Он видит то, чего нет на радарх. Но что, если враг станет невидимым даже для него? Лейтенант Артём Вей — пилот с дрожащими руками и уникальным даром: в бою он читает замыслы врага раньше, чем тот воплотит их в реальность. Но когда линкор «Немезида» встаёт на защиту сектора Эридан-Прайм, противник обрушивает новую тактику — хаос. Первая ошибка — и товарищ на грани гибели. Дар, что всегда спасал, теперь бесполезен. Чтобы выжить, Вею придётся найти путь, которого нет. Космический боевик о таланте, который может убить, и о пилоте, который отказывается терять своих. Война только началась. И хаос ждёт.

© Фок Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Борт 117-й: Пополнение	5
Глава 2. Линд	10
Глава 3. Мантикоры	14
Глава 4. Эридан-Прайм	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Дмитрий Фок

Взлёт Разрешён: Окно в Хаосе

Глава 1. Борт 117-й: Пополнение

Артём Вей проснулся за две минуты до сигнала.

Это вошло у него в привычку ещё в академии — открывать глаза в темноте, лежать неподвижно и слушать, как корабль вокруг живёт своей огромной механической жизнью. «Немезида» никогда не молчала. Где-то за переборками гудели насосы системы охлаждения, по магистралям ползла вода, в недрах линкора что-то тикало, постукивало, дышало. Два с половиной километра стали, керамики и человеческих судеб, подвешенные в пустоте на честном слове термоядерных реакторов.

Он считал, не разжимая век. Один. Два. Три.

Руки лежали поверх тонкого одеяла, и в полумраке кубрика он чувствовал, как подрагивают пальцы — едва-едва, на пределе восприятия, как струна, по которой провели ногтем. Тремор никогда не уходил совсем. Он жил в нём, как фоновый шум корабля, как биение собственного сердца. Двенадцать лет. Двенадцать лет руки помнили то, чего разум старался не вспоминать.

Сигнал подъёма прошелестел по динамикам мягким, почти деликатным звоном. Корабельное время — шесть ноль-ноль. В кубрике зашевелились. Кто-то застонал, кто-то выругался по-проксимански, глотая окончания. Вей сел, опустил ноги на холодный рифлёный пол и несколько секунд просто дышал.

Прошло шесть дней с того боя у Горгоны-7. Шесть дней с тех пор, как он вошёл в пояс астероидов вопреки прямому приказу и вытащил оттуда Лину Сорокину на тросе аварийной буксировки. Шесть дней с тех пор, как Танака показал ему часы с четырьмя именами и не наказал. Шесть дней с тех пор, как у него появился позывной.

Призрак.

Он до сих пор не привык к этому слову, обращённому к себе. Оно сидело на нём как чужой китель — вроде по размеру, а всё равно жмёт в плечах.

— Подъём, свежее мясо, — прогрехотал над ухом знакомый бас, и широкая ладонь хлопнула его по плечу так, что лязгнули зубы. — Хотя нет. Уже не свежее. Полежавшее. С позывным.

Виктор Громов возвышался над койкой, заполняя собой едва ли не половину прохода. Рыжая борода топорщилась во все стороны, маленькие карие глаза светились утренним весельем. На левом предплечье под закатанным рукавом темнела татуировка — стилизованный молот и колонка названий систем. Кеплер-186. Вольф-1061. Тигарден.

— Доброе утро, Гром, — отозвался Вей.

— Доброе, доброе. Сегодня день интересный. — Громов понизил голос до театрального шёпота, который всё равно был слышен в другом конце кубрика. — Борт сто семнадцатый стыкуется в восемь. Пополнение везёт. Машины, блоки, людей. — Он выдержал паузу, в которой было что-то значительное. — И его.

Вей не стал переспрашивать, кого. Он и так знал. Шесть дней по эскадрилье ползли разговоры, обрывки фраз, недосказанности. Имя, которое произносили вполголоса, особенно когда рядом была Лина.

Маркус Линд.

Человек, чьё место Вей занял.

Человек, который три года провёл на транспортниках, выгрызая себе перевод в боевую эскадрилью, получил рекомендацию — и не получил места, потому что Кадровое управление отправило на «Немезиду» свежего выпускника академии с дрожащими руками и странным даром.

И теперь этот человек прибывал на тот самый линкор. В ту самую эскадрилью.

Вей встал, потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки. В груди шевельнулось что-то холодное и неудобное — не страх, нет, скорее предчувствие неловкости, тяжёлого разговора, который придётся вести.

— Не делай такое лицо, — сказал Громов уже без шутовства, тише. — Линд — мужик нормальный. Я с ним пересекался на Кассини-Прайм, давно ещё. Не из тех, кто точит ножи. — Он помолчал. — Хотя кто его знает, что у человека внутри, когда у него три года из-под носа увели. Маа, как говорит наш командир. Поживём — увидим.

Это японское словечко, которое Танака ронял в воздух, успело прижиться в речи всей эскадрильи. «Маа» — ну, мол, что поделаешь. Услышать его из уст огромного рыжего Громова было странно и почему-то успокаивающе.

К восьми Вей был в ангаре «Браво».

Ангар всегда поражал его масштабом — даже спустя время. Это была пещера из стали, уходящая в полумрак под потолком, где змеились кабельные жгуты, висели краны-манипуляторы и горели холодные дежурные огни. Двадцать четыре истребителя стояли двумя рядами на своих катапультных направляющих, носами к закрытым створкам стартовых шахт. Четырнадцатая эскадрилья — «Грифоны». Шестнадцатая — «Манतिकоры». Машины класса «Саблезуб-IV», хищные, угловатые, с обводами, рассчитанными не на воздух, которого в космосе нет, а на минимальный профиль для вражеских сканеров.

Грифон-12 стоял третьим слева. Его машина. Вей уже думал о ней как о своей — с лёгким удивлением каждый раз, когда ловил себя на этой мысли. Свежая краска поверх старой, бортовой номер, и рядом с кабиной — маленькая пятиконечная звезда, которую он нарисовал чёрным маркером Лины. На удачу. За живых.

В дальнем конце ангара уже разворачивалась суэта. Огромные внутренние шлюзы стыковочного узла были открыты, и через них в ангар вползал транспорт снабжения — приземистый, безоружный, весь в потёртостях дальних рейсов. Борт 117-й. На его боку облупившейся краской значился логотип флотской службы тыла.

— Не стой столбом, — раздался сухой голос за спиной. — Раз пришёл — работай.

Юнь Бай была ниже его на голову, сухая, жилистая, с седыми волосами, стянутыми в тугий пучок. В тусклом свете ангара её перепачканное смазкой лицо казалось вырезанным из старого дерева. На шее, как всегда, поблёскивала тонкая цепочка с чем-то металлическим, что она никогда никому не показывала. Она держала в руках планшет с накладной и смотрела на Вея снизу вверх с тем выражением, с каким ювелир смотрит на камень — оценивая, взвешивая, прикидывая чистоту.

— Что нужно? — спросил Вей.

— Сенсорные пакеты. — Она кивнула в сторону открывающихся грузовых створок транспорта. — Серая тара, маркировка «эс-семь». Хрупкое. Несёшь медленно, ставишь там. — Палец с коротким, обломанным ногтем указал на размеченную зону у переборки. — Не роняешь. Уронишь — будешь объяснять командеру Танаке, почему его эскадрилья ослепла.

— Понял.

Он пошёл к транспорту. Грузовые манипуляторы уже выгружали из чрева Борта 117-го два больших контейнера — длинных, обтекаемых, размером с истребитель. Вей понял, что это и есть они: два новеньких заводских «Саблезуба», замена тем, что сгорели у Горгоны-7. Грифон-3, на котором летал лейтенант Парк — бывший ведущий Лины, погибший в первые

минуты того боя. И Грифон-9 энсина Дюваля, двадцатидвухлетнего парня с доброй улыбкой, которого разорвали дроны-камикадзе из пояса.

Машины можно заменить. Их привезли в контейнерах, пахнущих заводской смазкой и новой краской. Людей — нет.

Вей подхватил первый серый ящик с маркировкой «С-7». Тот оказался тяжелее, чем выглядел, — плотный, налитый, как будто внутри спрессовали саму электронику до состояния свинца. Он понёс его к переборке, чувствуя, как напрягаются мышцы предплечий, как пальцы крепче охватывают рифлёные ручки.

И — что забавно — руки перестали дрожать.

Это не всегда так работало. Сначала — только в кабине истребителя, потом — когда появлялось дело, когда была задача, цель, нагрузка, тремор отступал, прятался куда-то в глубину. Дрожь жила в паузах, в ожидании, в пустых минутах. Стоило заняться чем-то конкретным — и руки становились твёрдыми.

— Видишь, — сказала Юнь Бай, проходя мимо с другим ящиком. Она даже не посмотрела на него, но он знал, что она заметила. Она замечала всё. — Руки при деле — не дрожат. Уже прогресс.

Он промолчал, но что-то тёплое шевельнулось в груди. От неё это была почти нежность.

Рядом возникла Лина. Невысокая, светловолосая — почти белые короткие волосы, густые веснушки, голубые глаза, выцветшие до прозрачности. Она двигалась бесшумно и экономно, как всегда, и подхватила ящик одним точным движением.

— Помогаю, — сказала она коротко. — Юнь сказала, к девяти всё должно быть в зоне разгрузки.

Они работали молча, в одном ритме, и Вей поймал себя на том, что молчание между ними больше не было враждебным. Шесть дней назад оно ощетинивалось колючками. Теперь это было рабочее молчание двух людей, делающих общее дело. Он вытащил её из пояса астероидов. Она дала ему позывной. Между этими двумя событиями уместилось что-то, чему трудно было подобрать название, но что прочно срослось.

Из транспорта тем временем выходили люди.

Первым показался невысокий жилистый парень в новеньком, не обмятом ещё комбинезоне с нашивкой энсина — Солано, как понял Вей по бирке. Он озирался по сторонам с открытым любопытством, и было видно, что ангар «Браво» с его двадцатью четырьмя машинами производит на него такое же впечатление, какое ранее произвёл на самого Вея.

А следом за ним вышел человек, которого Вей узнал ещё до того, как смог бы объяснить — откуда.

Маркус Линд был среднего роста, сухощавый, с прямой осанкой и спокойным, чуть усталым лицом. Тёмные волосы коротко острижены, у виска — ранняя седина. Двигался он неторопливо, без суеты, с той экономностью, которая выдаёт человека, много лет прошедшего в тесных отсеках. Он остановился на пороге транспорта, обвёл ангар взглядом — и в этом взгляде Вей прочёл не зависть, не злобу, а что-то совсем другое. Что-то похожее на тихое, почти болезненное счастье.

Человек, который три года ждал, чтобы оказаться здесь. И вот он здесь.

Лина бросила ящик — то есть аккуратно поставила, но с явной поспешностью, — и пошла к нему. Вей видел, как она ускорила шаг, как что-то изменилось в её всегда настороженной фигуре, как будто с плеч сняли невидимый груз. Она обхватила Линда руками, коротко, крепко, и спрятала лицо у него на плече.

— Чёрт, — сказала она глухо. — Чёрт, ну наконец-то.

— Привет, Оса, — отозвался Линд, и в его негромком голосе была улыбка. Он осторожно похлопал её по спине. — Долетел. Видишь.

Вей отвернулся, давая им момент. Внутри было сложное, мутное чувство — смесь облегчения и неловкости. Он стоял в стороне, ящик в руках, и думал: вот человек, чьё место я занял. И вот девушка, которая когда-то раньше смотрела на меня как на узурпатора. А теперь она обнимает его так, будто вернулся брат.

Что мне ему сказать? — думал Вей. Что есть слова, которыми можно извиниться за то, что ты просто оказался быстрее, талантливее, удачливее, чем нужно? Что Кадровое управление поставило тебя на место, которое по субъективной справедливости должно было достаться другому?

Он не знал. И от незнания руки снова чуть дрогнули.

Один. Два. Три.

— Эй. — Голос Громова прокатился по ангару. — А вот и наш блудный сын вернулся.

Из глубины ангара, со стороны лазаретного перехода, шёл ещё один человек. Энсин Ковач — худой, бледный, с запавшими щеками и тёмными кругами под глазами. Шесть дней назад его подбили у Горгоны-7, он катапультировался, болтался в спасательной капсуле в холодной пустоте, пока его не подобрал челнок. Теперь он шёл медленно, осторожно, будто заново привыкая к собственному телу, но взгляд у него был собранный, сухой, без той нервозности, с какой он облизывал губы перед тем боем.

— Эсин, — сказал Громов, и в его голосе пропало всё шутовство. Он подошёл к Ковачу, положил огромную ладонь ему на плечо — бережно, совсем не так, как лупил Вея по утрам. — С возвращением.

Ковач кивнул. Открыл рот, закрыл. Снова кивнул.

— Спасибо, Гром, — выговорил он наконец. Голос был хриплый, чуть надтреснутый. — Я... думал, не вернусь. В капсуле. Холодно было. Очень.

— Знаю, — сказал Громов. — Знаю. Но ты вернулся. И это главное. — Он легонько встряхнул его за плечо. — Машину тебе склеили. Юнь блоки твои перебрала, новые поставила. Полетишь как новенький.

Ковач посмотрел в сторону своего истребителя — Грифона, чей корпус техники латали последние дни, — и что-то дрогнуло в его лице. Не слабость. Скорее решимость.

— Полечу, — сказал он.

Вокруг постепенно собиралась эскадрилья. Подтягивались остальные — те самые пилоты, которых Вей за первую неделю едва различал по именам, видя в них пока только фигуры в комбинезонах. Теперь, в свете прибытия пополнения, они проступали отчётливее.

Чэнь — широкоплечий, с круглым добродушным лицом и быстрыми, цепкими глазами. Мерсье — ведомый Танаки, поджарый, с лёгкой полуулыбкой, словно он знает какую-то шутку, которой ни с кем не делится. Ортега — смуглый, с щербинкой между передними зубами, болтливый, не умолкающий ни на минуту. Хасан — наоборот, молчаливый, въедливый, с привычкой шуриться, словно постоянно высчитывает что-то в уме. Петренко — медлительный увалень с большими руками, вечно возящийся с какой-нибудь железкой. Ивасаки — невысокий, жилистый, с азартным блеском в глазах, заядлый картёжник.

Все они стекались к транспорту, чтобы посмотреть на пополнение, на новые машины, на вернувшегося Ковача. Эскадрилья после боя зализывала раны и пересчитывала своих. Двое погибли. Один вернулся из пустоты. Двое прибыли на замену. Арифметика войны, в которой за каждым числом стояло лицо.

— Внимание.

Голос был негромкий, ровный, и он мгновенно собрал на себе всё внимание ангара.

Коммандер Танака стоял у переборки, заложив руки за спину. Невысокий, смуглый, с тяжёлыми веками и глубокими носогубными складками. Тёмные глаза, коротко стриженные чёрные волосы с сединой на висках. На правом запястье — механические часы, старомодные,

с механизмом, который он постоянно подзаводил коротким, привычным движением пальцев. Правую руку перечёркивал розоватый глянцевоый шрам от давнего ожога.

Он не повышал голоса. Ему это было не нужно. Он говорил так, будто вбивал гвозди — ровно, размеренно, и каждое слово ложилось точно туда, куда было предназначено.

— Эскадрилья. Пополнение прибыло. — Танака обвёл собравшихся взглядом. — Лейтенант Маркус Линд переведён с транспортного звена «Кассини». Принимает Грифон-три. Энсин Солано — выпуск этого года, лётная квалификация подтверждена. Принимает Грифон-девять.

Линд коротко кивнул. Солано вытянулся, явно борясь с желанием отдать честь по уставу.

— Энсин Ковач возвращается в строй после ранения, — продолжал Танака. — Медицинская комиссия допуск дала. Машина восстановлена.

Ковач сглотнул, кивнул.

— Боевые пары. — Танака сделал паузу, и Вей почувствовал, как внутри натянулась струна. — Линд — Мерсье. Солано — Хасан, под присмотром. Сорокина — Вей. Без изменений.

Вей выдохнул — медленно, чтобы никто не заметил. Сорокина — Вей. Без изменений. Пара сохранена. Он не знал, почему это так важно для него, но это было важно. За прошедшее время Лина из врага превратилась в ведомую, в человека, рядом с которым он чувствовал себя на месте. Терять это сейчас он не хотел.

Он украдкой посмотрел на Лину. Та поймала его взгляд и едва заметно кивнула — мол, всё в порядке, всё как надо.

— Распределение блоков и калибровок — у старшего техника Бай, — закончил Танака. — Полётный график изменился. Подробности на брифинге в четырнадцать ноль-ноль. До тех пор — работаем. — Он помолчал. — Уровень готовности флота — оранжевый. Напоминать, что это значит, не буду. Все по местам.

Он развернулся и ушёл — бесшумно, почти не качнув воздух. Эскадрилья пришла в движение.

Вей поднял отставленный ящик с сенсорным пакетом и понёс его к зоне разгрузки. Руки снова не дрожали. Дело успокаивало.

Но в голове крутилась одна мысль, упрямая и неотступная.

Рано или поздно ему придётся поговорить с Линдом.

И он не знал, что скажет.

Глава 2. Линд

Разговор случился сам, без подготовки, как это часто бывает с тем, чего боишься заранее.

Вей закончил перетаскивать сенсорные пакеты и стоял у переборки, переводя дух. Ангар гудел: техники под руководством Юнь Бай вскрывали контейнеры с новыми машинами, краны-манипуляторы осторожно вынимали «Саблезубов» из ложементов, по полу змеились силовые кабели. Пахло озоном, смазкой и горячим металлом.

Маркус Линд отделился от группы пилотов и пошёл прямо к нему. Без спешки, спокойно, но и без колебаний — как человек, который решил сделать что-то и теперь делает.

Вей напрягся. Внутренне приготовился — к холодности, к натянутой вежливости, может быть, к скрытому упрёку, который прячут за правильными словами. Он перебрал в голове десяток фраз и ни одной не нашёл подходящей.

Линд остановился в шаге от него и протянул руку.

— Маркус Линд, — сказал он. — Грифон-три.

— Артём Вей. — Он пожал протянутую ладонь. Рукопожатие было крепким, сухим, без вызова, без проверки на излом — просто рукопожатие. — Грифон-двенадцать.

— Знаю. — Линд чуть склонил голову набок, рассматривая его. Взгляд у него был внимательный, но не враждебный — скорее изучающий, как у человека, который привык оценивать ситуацию, прежде чем в неё входить. — Призрак. Слышал про тебя ещё на «Кассини». Радиоперехваты идут быстро. О бое у Горгоны-семь говорили на трёх станциях снабжения.

Вей молчал, не зная, что ответить. В груди по-прежнему сидело то холодное, неудобное чувство.

— Я слышал, как ты её вытащил, — продолжал Линд тише. — Лину. Из пояса. Под огнём, вопреки приказу. — Он помолчал. — Спасибо.

Вей сглотнул.

— Лейтенант, я... — Он запнулся. Все заготовленные фразы рассыпались. — Я знаю, что моё место... что вы должны были...

— Стоп. — Линд поднял ладонь — мягко, без резкости. — Давай сразу. Чтобы потом не возвращаться. — Он посмотрел Вею прямо в глаза. — Место — ерунда. Кадровое управление не ошибается так часто, как нам кажется. Я три года ждал перевода. Думал — это конец, последняя надежда, и её отняли. Злился. Не на тебя — на систему. На бумаги, на чьи-то подписи. — Он усмехнулся, негромко, без горечи. — А потом я узнал, что человек, которого взяли вместо меня, в первом же бою рискнул всем, чтобы спасти Осу. И понял, что система, может, и поставила не того по справедливости — но точно не ошиблась по сути.

Вей стоял, не зная, что сказать. Где-то внутри, в том месте, где шесть дней — нет, гораздо дольше — сидела тяжёлая, тёмная вина, что-то сдвинулось. Будто разжалась рука, которая давно стискивала там что-то холодное.

— Я не просил об этом, — выговорил он наконец. Это была старая его фраза, которую он говорил себе в академии, на челноке, в первую ночь на «Немезиде». — Распределения. Я не просил.

— Знаю, — кивнул Линд. — Никто из нас не просит того, что с нами случается. — Он чуть прищурился. — Но мы отвечаем за то, что делаем потом. Ты сделал хорошо. Этого достаточно.

Лина подошла ближе — она всё это время держалась в стороне, наблюдая, и Вей чувствовал на себе её взгляд, цепкий и оценивающий, как будто она ждала, чем кончится. Теперь она встала рядом с Линдом, скрестив руки на груди, и на её веснушчатом лице играла кривоватая, но искренняя усмешка.

— Ну, — сказала она. — Хоть не подрались. Я ставила на то, что вы хотя бы поцапаетесь для приличия.

— Не дождёшься, Оса, — отозвался Линд. — Я слишком устал, чтобы цапаться. Три года на транспортниках. Знаешь, что это такое? Возить ящики из системы в систему и слушать, как новости по радио рассказывают, где сегодня шли бои, в которых тебя не было.

— Знаю, — тихо сказала Лина. — Ты мне писал. Каждый месяц. Я помню.

Что-то прошло между ними — старое, общее, чему Вей не был свидетелем и о чём мог только догадываться. Дружба, выкованная на расстоянии, через помехи дальней связи. Он стоял рядом и впервые понял по-настоящему: для Лины Маркус Линд был не просто «несправедливо обойдённым товарищем». Он был другом. Близким. Тем, кого она защищала, когда смотрела на новичка-Вея с ненавистью.

И теперь этот друг сам, своими руками, снимал с Вея вину. Это было больше, чем он мог просить.

— Расскажи мне про «Шершней», — сказал вдруг Линд, и в голосе появилась деловая нотка. — Я знаю их по сводкам и тренажёрам. Но ты с ними дрался по-настоящему. Как они ведут себя в реальном бою?

Вей собрался с мыслями. Это был знакомый язык — язык дела, тактики, конкретики. На нём говорить было легче.

— Быстро, — сказал он. — Очень быстро. У пилотов кибермодификации, реакция на тридцать-сорок процентов выше нашей, перегрузочная устойчивость — до четырнадцати g. Они выдерживают манёвры, от которых человек теряет сознание. — Он помолчал, вспоминая. — Но они дерутся... механически. У Горгоны они шли стандартными схемами. Веер, охват, продавливание фланга. Если успеваешь прочитать схему, можно опередить. Их сила — в скорости и в том, что им не страшно. Их слабость — в предсказуемости.

Линд слушал внимательно, чуть прищурившись, и Вей видел, что он не просто запоминает — он анализирует, раскладывает по полкам, выстраивает в голове модель.

— Предсказуемость, — повторил Линд. — Хаотичные манёвры на высокой скорости. Это их слабость. — Он медленно кивнул. — Пока. Пока они её не превратили в тактику.

Вей нахмурился.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что Автономия учится. — Линд посмотрел в сторону открытых створок, за которыми лежала чернота. — У них кибермозги, нейросетевые алгоритмы, которые анализируют каждый бой и переписывают тактику. Если их слабость — предсказуемость, рано или поздно они введут случайность. Хаос. И тогда тому, кто привык их читать, придётся тяжело. — Он перевёл взгляд на Вея, и в нём была какая-то спокойная серьёзность. — Особенно тому, кто слишком хорошо их читает.

Вей почувствовал лёгкий холодок. Он сразу вспомнил продолжение того боя, насколько прав был Линд, после двух подбитых Шершней они так и поступили, образовали хаос.

— Линд.

Голос Танаки. Коммандер стоял неподалёку, наблюдая за разгрузкой, и теперь повернулся к ним. Его тёмные глаза скользнули по троице — Линд, Лина, Вей — и Вей готов был поклясться, что в них мелькнуло что-то одобрительное.

— Грифон-три ждёт калибровку, — сказал Танака. — Нейроинтерфейс надо привязать к вашему профилю. Бай сейчас занята новыми машинами. — Он чуть качнул головой в сторону Вея. — Вей. Поможешь. Ты уже проходил процедуру, объяснишь, что к чему.

— Есть, командир, — отозвался Вей.

Танака смотрел на него ещё мгновение — долгое, оценивающее. Потом коротко кивнул и ушёл.

— Ну что, — сказал Линд, поворачиваясь к Вею. — Показывай, Призрак. Где тут моя машина учится меня узнавать.

И они пошли к Грифону-3 — двое мужчин, между которыми минуту назад могла стоять стена, а теперь не стояло ничего, кроме общего дела.

Лина смотрела им вслед, и на её лице было выражение, которого Вей не видел, потому что шёл впереди. Облегчение. И что-то ещё — благодарность, которую она когда-то, лишь один раз, сказала вслух.

Калибровка нейроинтерфейса занимала около часа.

Вей помнил, как сам проходил её в первый день, — как Юнь Бай усаживала его в кресло истребителя, как датчики ложились на виски и затылок, как машина училась читать его нервные импульсы, превращать намерения в команды. Это было странное, почти интимное ощущение — будто чужой холодный разум осторожно касается твоего, прислушивается, запоминает.

— Главное — не зажиматься, — говорил Вей, помогая Линду закрепить датчики. — Контур читает не только команды, но и состояние. Если ты нервничаешь, он закладывает нервозность в базовый профиль. Старайся быть спокойным. Думать ровно.

— Спокойным, — хмыкнул Линд, устраиваясь в кресле. — Три года ждал этого кресла. И теперь меня просят быть спокойным.

— Это и есть спокойствие, — сказал Вей. — Когда получаешь то, чего ждал, и просто принимаешь.

Линд посмотрел на него с лёгким удивлением.

— А ты не так прост, Призрак.

Вей не ответил. Он следил за показаниями на боковой панели — за тем, как зелёные линии нейропрофиля выравниваются, стабилизируются, ищут резонанс с машиной. Панель 7-Б, нейроинтерфейсный контур, помеченная жёлтой полосой, тихо гудела под кабиной. Её нельзя было трогать без нужды — три часа рекалибровки за одно неосторожное движение и нагоняй от Юнь Бай.

— Вот, — сказал Вей. — Видишь зелёную? Это твой базовый ритм. Машина его запомнит. Теперь, когда сядешь в бою, она будет знать, как ты дышишь, когда спокоен. И сможет отличить спокойствие от паники.

— И что она сделает, если я запаникую?

— Подстрахует. — Вей помолчал. — Чуть притормозит реакцию на резкие команды, чтобы ты не свалил машину в штопор от страха. Юнь говорит, машины умнее людей. Они слушают.

— Юнь — это та маленькая техник с седым пучком?

— Старший техник Бай. Тридцать лет стажа. — Вей чуть улыбнулся. — Она разговаривает с истребителями. Серьёзно. Шепчет им что-то перед стартом.

— И они отвечают?

— Не знаю. — Вей посмотрел на зелёную линию, которая теперь шла ровно, уверенно. — Но я начинаю думать, что она знает что-то, чего не знаем мы.

Линд закрыл глаза, откинулся в кресле, дал машине дочитать его профиль. На его лице было выражение покоя — то самое тихое счастье, которое Вей заметил ещё на пороге транспорта. Человек дома. Наконец-то дома.

— Знаешь, — сказал Линд, не открывая глаз. — Я думал, что буду тебя ненавидеть. Всю дорогу сюда думал. Репетировал, как войду и не подам руки. — Он усмехнулся. — Глупо.

— Не глупо, — тихо сказал Вей. — Я бы на твоём месте, наверное, тоже так думал.

— Может быть. — Линд открыл глаза, посмотрел на чёрный потолок ангара, на змеящиеся кабели. — Но потом я подумал: я слишком долго добивался этого места, чтобы войти в него с ненавистью в сердце. Ненависть — она тяжёлая. С ней не взлетишь.

Вей запомнил эту фразу. Она показалась ему верной. С ненавистью не взлетишь.

Зелёная линия на панели мигнула и сменилась ровным сигналом — калибровка завершена. Грифон-3 запомнил своего пилота. Машина и человек нашли резонанс.

— Готово, — сказал Вей. — Поздравляю, лейтенант. Теперь она ваша.

Линд провёл ладонью по краю кабины — медленно, почти нежно, как человек, который касается чего-то долгожданного и боится поверить, что оно настоящее.

— Моя, — повторил он тихо. — Чёрт побери. Моя.

И Вей понял, что между ними больше нет стены. И что та вина, которая жила в нём с первого дня, наконец-то отпустила — не потому, что он её заслужил снять, а потому, что человек, которому он, хоть и не лично, причинил несправедливость, оказался больше этой несправедливости.

Глава 3. Мантикоры

В четырнадцать ноль-ноль весь личный состав двух эскадрилий собрался в кают-компании ангара «Браво».

Кают-компания ангара была тесной — низкий потолок, длинный стол с привинченными к полу скамьями, стены, увешанные планшетами, расписаниями и старыми, выцветшими фотографиями. На одной из них Вей за первую неделю успел разглядеть групповой снимок эскадрильи давних лет — лица, которых уже не было, имена, которые помнил, наверное, только Громов да Танака. Война собирала свою жатву долго и методично.

Когда в проёме появилась командер Адрия Холт, в кают-компании стало тише.

Она была высокой — выше большинства мужчин в комнате, — с прямой, почти жёсткой осанкой и тяжёлым, оценивающим взглядом из-под тёмных бровей. Короткие тёмные волосы, тронутые сединой на висках. На рукаве комбинезона — нашивка шестнадцатой эскадрильи: стилизованная мантикора, хищный лев со скорпионьим хвостом. За её спиной маячили несколько пилотов в таких же нашивках.

— Командер Танака, — сказала она, входя. Голос у неё был низкий, ровный, с лёгкой хрипотцой. Она говорила негромко, но так, чтобы слышали все. — Шестнадцатая готова к совместным патрулям. Мои ребята засиделись.

Танака поднялся ей навстречу.

— Командер Холт. — Он кивнул. — Рад. Нам пригодятся лишние стволы. — Он повернулся к собравшимся. — Для тех, кто не знает. Шестнадцатая эскадрилья — «Мантикоры». Они на «Немезиде» с самого начала похода.

По комнате прошёл лёгкий шорох. Вей нахмурился. С самого начала? Он не видел их в бою у Горгоны-7. Он вообще почти не пересекался с ними за всё время нахождения на корабле — знал, что в ангаре «Браво» есть и другие машины, другие пилоты, но они держались своей частью ангара, своим распорядком, и он, поглощённый собственным вхождением в эскадрилью, не задумывался об этом.

Танака, кажется, прочёл этот вопрос на лицах новичков.

— Объясню, раз уж зашло. — Он заложил руки за спину. — Шестнадцатая эскадрилья — ближняя оборона линкора. Их тактическая задача — не патрули и не перехват в дальней зоне. Их задача — последний рубеж. Если враг прорывается сквозь нас, сквозь «Грифонов», и подходит вплотную к «Немезиде» — на дистанцию, с которой может ударить по корпусу, по реакторам, по мостику, — в дело вступают «Мантикоры». — Он помолчал. — У Горгоны-семь враг не прорвался. Мы держали дальний контур, и ни один «Шершень» не подошёл к линкору на дистанцию угрозы. Поэтому шестнадцатая не взлетала. Не потому, что отсиживалась. Потому, что в этом и состоит её работа — быть готовой.

Холт стояла рядом, скрестив руки, и на её лице была лёгкая, чуть саркастичная усмешка.

— Самая неблагоприятная работа во флоте, — сказала она. — Сидеть в кабине в полной готовности, слушать по связи, как другие дерутся и умирают, и не иметь права взлететь, пока враг не подойдёт к порогу. — Она обвела взглядом «Грифонов». — Мои ребята все эти бои просидели пристёгнутыми в кабинах. Слушали ваши доклады. Слушали, как гибнут Парк и Дюваль. И не могли ничего сделать, кроме как ждать. — Она помолчала. — Так что да. Засиделись. И рады, что теперь нас выпускают в поле.

Вей смотрел на пилотов «Мантикор» новыми глазами. Он представил себе это — сидеть в кабине, в полной боеготовности, слушать в наушниках хаос боя, гибель товарищей по ангари, и не иметь права нажать на гашетку катапульты. Ждать, пока враг подойдёт к самому горлу. Это была особая, тихая пытка, о которой он раньше не думал.

— Теперь, в условиях эскалации, — сказал Танака, — Адмиралтейство разрешило задействовать шестнадцатую и в патрулях. Уровень готовности — оранжевый. Нам нужны все, кто умеет летать. «Манतिकоры» будут работать с нами — прикрытые, резерв, быстрое реагирование. Привыкайте друг к другу. От слаженности зависит, кто вернётся.

Он сел. Холт коротко кивнула и тоже опустилась на скамью, и общее напряжение чуть отпустило. Пилоты двух эскадрилий начали присматриваться друг к другу — с любопытством, с лёгкой настороженностью, как две стаи, которым предстоит делить одну территорию.

— Ну что, соседи по парковке, — провозгласил Ортега, нарушая лёд первым, как и положено балагуру. Он перегнулся через стол к ближайшему «Манतिकору». — Давайте без обид. Кто первый до катапульты — тот и красавчик. Только чур, в ангаре не толкаться, а то знаю я вас, оборонцев. Засиделись — теперь будете нас локтями расталкивать.

— Расслабься, Грифон, — отозвался «Манतिकор» — поджарый парень с быстрой улыбкой. — Мы вас в обиду не дадим. Вы там, на острие, поломаетесь — мы подберём, что останется.

— Слышь, — обиделся Ортега под общий смех. — Что останется! Да я тебя...

— Лейтенант Ришар, — представился «Манतिकор», протягивая руку. — Грифон-два, то есть, простите, Манतिकор-два. Не привыкну никак, что мы теперь вместе летаем.

Завязался разговор — поначалу неловкий, потом всё более живой. Хасан, въедливый тактик «Грифонов», немедленно подсел к одному из «Манतिकор» и принялся выяснять схемы взаимодействия, протоколы связи, секторальное распределение. Он говорил тихо, монотонно, рисуя пальцем на столе невидимые траектории, и его собеседник, такой же дотошный, кивал и уточнял.

— Если мы — ударный контур, а вы — резерв, — бубнил Хасан, — то критичен момент передачи целей. Когда мы оттягиваем «Шершней» на себя, а они проскакивают к линкору, должна быть чёткая отсечка. Иначе мы будем стрелять по одной цели вдвоём, а вторая пройдёт.

— Согласен, — отвечал «Манतिकор». — Нужна зона ответственности по дальности. Всё, что ближе двух тысяч километров к корпусу, — наше. Дальше — ваше.

— Две тысячи мало, — возражал Хасан. — «Шершень» проходит две тысячи за восемь секунд. Надо три.

Вей слушал вполуха и думал, что вот так, из этих тихих, дотошных разговоров, и складывается то, что потом в бою спасает жизни. Не из лихости, не из бравады. Из расчёта, из заранее оговоренных зон ответственности, из того, что два въедливых тактика сегодня договорились о трёх тысячах километров вместо двух.

— Эй, Призрак.

Лиана подошла к нему, держа в руке чёрный маркер — тот самый, которым рисовала ос на фюзеляже за каждую сбитую цель.

— Пойдём, — сказала она. — Машины готовы. Хочу нарисовать.

Они вышли из кают-компании в ангар. Грифон-4, истребитель Лианы, стоял на своей направляющей, и Вей увидел, что Юнь Бай со своими техниками вернула его к жизни — заменила сожжённую обшивку, поставила новые блоки. На фюзеляже ровными рядами тянулись маленькие чёрные осы — отметки сбитых. Вей сосчитал когда-то: сорок восемь. Половину из них уничтожили вместе со старой обшивкой у Горгоны-7, но Юнь, видимо, перенесла рисунки на новые панели. Сорок восемь ос — память о сорока восьми боях.

Лиана встала на цыпочки, приложила маркер к свежей панели и аккуратно, привычным движением вывела сорок девятую осу. Маленькую, угловатую, с двумя точками-глазами.

— За Горгону, — сказала она тихо. — За то, что вернулась.

Потом протянула маркер Вею.

— Твоя очередь. Обнови звезду. Краска новая, твоей не видно.

Вей взял маркер. Подошёл к Грифону-12. У кабины, где он рисовал звезду шесть дней назад, теперь была свежая заводская краска — техники заменили повреждённую панель, и его звезда исчезла вместе со старой обшивкой. Чистая, гладкая поверхность, без следа.

Он приложил маркер и медленно, чувствуя, как пальцы держат твёрдо, вывел пятиконечную звезду. Не за сбитого. За живых. За себя, за Лину, за всех, кто вернулся.

— Хорошо, — сказала Лина, разглядывая. — Ровная. У тебя руки не дрожали.

— Когда при деле — не дрожат, — повторил Вей слова Юнь Бай.

Лина усмехнулась.

— Тогда найди себе побольше дел, Призрак.

Они стояли перед двумя истребителями — осой и звездой, — и в дальнем конце ангара техники под руководством Юнь Бай выкатывали на направляющие две новые машины, Грифон-3 и Грифон-9, ещё пахнущие заводской краской, ещё не знающие, кто будет в них умирать.

Война собирала своё гнездо заново. И в этом гнезде Вей впервые за всю свою жизнь чувствовал, что у него есть место.

Глава 4. Эридан-Прайм

Приказ пришёл на следующее утро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.